

ДОКЛАДЫ ДЕЛЕГАЦИИ СССР

4и (Монт)

с18

др.

Г. Д. САНЖЕЕВ

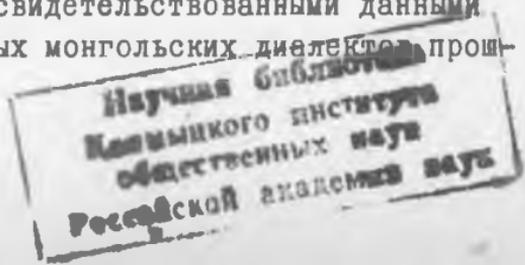
**МЕСТО ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
РЕКОНСТРУКЦИИ
В МОНГОЛИСТИКЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1960

Как известно, сравнительно-историческая монго-
листика добилась определенных результатов благодаря
усилиям таких ученых, как Г.И.Рамstedт, В.Л.Котвич,
Б.Я.Владимрцов и др. Эти результаты позволили опре-
делить вехи исторического развития монгольских язы-
ков и диалектов, особенно в сфере их фонетического
строения, уточнить некоторые проблемы их предполагаемо-
го родства с прочими алтайскими языками и наметить
дальнейшие задачи в области монгольского языкознания.
Однако самый главный результат сравнительно-истори-
ческой монголистики заключается в том, что теперь
раскрыты пути, пройденные отдельными монгольскими
языками и диалектами в ходе длительной эволюции, и
поняты специфические особенности почти каждого из
них. Этим монголистика в основном выполнила свою
первую и главную задачу, за которой следует вторая и
более сложная, а именно - раскрытие того состояния,
в котором находились монгольские диалекты в своем
отдаленном прошлом за пределами письменно засвиде-
тельствованных памятников монгольской речи.

Нам достаточно хорошо известны теперь пути, прой-
денные каждым из монгольских языков от XIII в. до на-
стоящего времени. Благодаря этому и лингвистическая
реконструкция, в принципе применяемая в монголистике
так же, как и в индоевропеистике, в большинстве слу-
чаев дает результаты, которые легко проверяются кон-
кретными и письменно засвидетельствованными данными
или показаниями отдельных монгольских диалектов прош-

лого и настоящего. Поэтому в очень многих случаях гипотетические звездочки приходится как бы снимать, поскольку теоретические предположения о тех или иных «проформах» подтверждаются реальными данными. Объясняется это тем, что письменномонгольский язык XIII—XIV вв. в основном засвидетельствовал то состояние, из которого развились современные монгольские языки и диалекты. Поэтому в определенных и многочисленных случаях монголоведная лингвистическая реконструкция как бы совпадает с транслитерацией форм письменномонгольского языка, который, конечно, не является сам по себе монгольским «праязыком». Лишь в сравнительно немногих случаях тюркские и, отчасти, тунгусоманьчжурские языки проливают некоторый свет на отдельные явления в фонетическом и морфологическом строе монгольской речи. Здесь мы имеем в виду процессы, связанные с эволюцией гласного *i /процессы развития исконных согласных *č и *d в положении перед этим гласным/, согласных q, n, j и некоторых других, образование системы современных монгольских местоимений, числительных и т.п. Конечно, общие данные алтаистики становятся более весомыми при привлечении результатов диалектологических исследований в области самой монголистики, исследований, проводимых в сочетании с изучением памятников монгольской речи прошлого /данных квадратного письма и показаний китайской, арабписьменной, среднеазиатской и прочей филологии XIII—XV вв./.

Вместе с тем изложенное обстоятельство привело к тому, что среди некоторых монголистов проявляются известные нотки разочарования результатами сравнительно-исторической монголистики и, особенно, алтаистики. Эти результаты кажутся им весьма незначительными по сравнению с тем, что достигнуто, например, в

индоевропейском языкознании. При этом иногда выражается как бы сожаление, что монголистика, как и тюркология или тунгусо-маньчжуристика, не располагает такими письменно засвидетельствованными материалами, которые могли бы документально показать отдаленное прошлое монгольской речи^I, — как известно, первые памятники этой речи относятся лишь к началу XIII века. Конечно, наличие письменно засвидетельствованных данных о монгольской речи периода, например, начала нашей эры могло бы весьма помочь монголистам. Однако данные алтаистики, основанные на изучении также тюркских и тунгусо-маньчжурских языков, говорят о том, что здесь нам не следует обольщаться особыми надеждами. Дело в том, что алтайские языки слишком однотипны в фонетическом и морфологическом отношении благодаря агглютинативному строю своей речи, и в то же самое время родство этих языков до сих пор продолжает оставаться по меньшей мере проблематичным. Ведь известные общие элементы так называемых алтайских языков могут быть результатом, во-первых, непрерывного контакта между монгольскими, тюркскими и тунгусо-маньчжурскими этническими образованиями и, во-вторых, спонтанного развития в каждом из этих языков. Агглютинативная природа этих языков несомненно весьма легко должна была способствовать образованию общих фонетических, морфологических и лексических явлений как в первом, так и во втором случае.

Таким образом, монголистика оказывается в совершенно ином положении, нежели какая-либо отрасль сравнительно-исторической индоевропеистики, в положении, как это ни парадоксально, более благоприятном, чем, например, финно-угорское языкознание. Дело в том, что монголистика в состоянии объяснить те фонетические и грамматические различия, которые суще-

ствуют между отдельными монгольскими языками и диалектами, поскольку все эти различия развивались из того состояния монгольской речи, которое так хорошо известно по данным XIII века. Поэтому для монголистики особо сложной является лишь интерпретация тех лексических особенностей, которые характерны для отдельных групп монгольских языков и диалектов. Но это, конечно, не является задачей лингвистической реконструкции. Вместе с тем исключительная близость монгольских языков между собой делает излишней реконструкцию монгольского «праязыка».

Поэтому лингвистическая реконструкция в монголистике ставит перед собой совершенно иные задачи, нежели те, которые стоят, например, перед индоевропейцами. В силу изложенных выше обстоятельств и известных особенностей монгольских языков и диалектов монголистика ставит перед собой следующие задачи:

1. Установление тех путей исторического развития, в результате которых соответствующий монгольский язык или диалект пришел в свое современное состояние из того прошлого, которое в своих основных чертах более или менее хорошо известно науке. Иными словами, монголисты знают как бы письменно засвидетельствованный 1/ начальный и 2/ диалектологически зафиксированный конечный, или современный, пункты исторической эволюции соответствующих явлений в монгольских языках и диалектах. Следовательно, здесь речь идет о лингвистической реконструкции средних или промежуточных форм в эволюции соответствующих языковых явлений. Это, конечно, не означает того, что такая ограниченная задача лингвистической реконструкции стоит перед монголистами во всех случаях. Методы лингвистической реконструкции, применяемые монголистами для осуществления этой задачи, хорошо извест-

ны и в принципе те же, что и в индоевропеистике /особенно в романистике/, т.е. носят сравнительно-исторический характер.

2. Реконструкцию того состояния /строя речи в целом или отдельных языковых категорий и форм/ в котором некогда находилась монгольская речь отдаленного прошлого за пределами письменно засвидетельствованной эпохи. Здесь главным является выявление соотношения агглютинативного и неагглютинативного элементов в древней монгольской речи. Известные черты тюркской и тунгусо-маньчжурской языковых групп и исключительная устойчивость агглютинативного строя языков вообще, по-видимому, вынуждают монголистику предположительно относить отдаленное прошлое монгольской речи к весьма глубокой древности - куда-то за несколько столетий до нашей эры. Следовательно, в данном случае речь идет о реконструкции такого рода, которая в конечном счете может увести взоры исследователя в далекое прошлое монгольских или протомонгольских диалектов.

Что касается путей и приемов лингвистической реконструкции с указанной задачей, то они относятся отчасти к так называемой внутренней реконструкции, которая не исключает сравнительные исследования, но дополняет их. Поскольку в этом случае поиски материальных совпадений форм одного языка с такими же другого не являются обязательными, постольку нет никакой необходимости прибегать к данным других языков, что абсолютно неизбежно при реконструкции фонетического порядка и установлении для ряда родственных языков одних и тех же слов и морфем, видоизмененных в своем фонетическом облике и смысловом значении. Но зато здесь большее значение может иметь типологическое сопоставление данных изучаемого монгольского

языка с аналогичными явлениями в других языках. При этом генетическое отношение одного языка к другому не имеет принципиального значения так же, как применительно к алтайским языкам использование сравнительно-исторического метода не должно быть обязательно обусловлено признанием исконного генетического родства этих языков, которое до сих пор так и остается проблематичным.

Следовательно, здесь перед монголистикой встает весьма сложная задача, осуществлению которой должна предшествовать тщательная подготовительная работа: завершение выявления и изучение всего того, что в монгольских языках и диалектах оказывается неагглютинативным в строе их речи. Иными словами, здесь речь идет также и об улучшении методов целенаправленной описательной грамматики и лексикологии монгольских языков.

Как известно, Б.Я.Владимирцов впервые в монголистике обратил внимание на то, что в монгольских языках сингармонизм гласных в некоторых случаях имеет определенное семантическое значение, о чем говорят примеры типа и современных монгольских ах «старший брат, старший вообще» // ех «мать, старшая вообще»; *caḡān* «белый» // *ceḡēn* «светлый» и т.п. Относительно этих явлений Б.Я.Владимирцов писал, что они «сохранились от праязыкового состояния, когда при помощи сингармонизма монгольский язык производил различие по родам»². Подобные же семантические изменения в некоторых группах слов производятся также посредством изменения и согласных, например, современно-монгольские *zōw* «правильный» // *tōw* «прямой, честный, спокойный, уравновешенный»; *zog=s-* «остановиться, стать на ноги» // *tog=t-* «установиться, остановиться»; *zad=r-* «разваливаться» // *jad=r-*

«уоставать, изнемогать»; *zaw* «досуг» || *zai* «свободное место, проход» и т.п.

В некоторых немногих случаях семантические изменения слов осуществляются посредством перестановки слогов или отдельных звуков, например, современно-монгольские *xaš* ←--- *qasi «загораживать, преграждать, загонять, принуждать» || *ṽax* ←--- *ṽiqa «жать, прижимать, выжимать, прессовать»; *tūs* ←--- *tūsi «опираться, полагаться, надеяться» || *ṽeüt* ←--- *ṽitu «веровать, уповать»; *ṽax* ←--- *ṽaqa «восхищение, гордость, радость» || *xaw* ←--- *qaba «ловкость, проверность, мощь» (ср. бурятские *xabātai* «мощный» и *ṽaxātai* «замечательный, изумительный»).

Иногда встречаются сочетания разных приемов фонетической дифференциации с семантической филиацией слов типа, например: 1/ *xōson* ←--- *qoḡusun «пустой» || *xōv* ←--- *kōgesün «пена» || *xūrai* ←--- *qagurai «сухой» || *xawar* ←--- *qabur «весна» || *xowör* ←--- *qubar «скудный, редкий»; 2/ *xaṽrcāḡ* ←--- *qajirčag «ящичек» || *xūrcāḡ* ←--- *qagurčāḡ «гроб»; 3/ *dūs* ←--- *daḡus «кончать» || *ūs* ←--- *egüs «начать» /ср. *tōgs* ←--- *tegüs* «кончать» / и т.д.

В некоторых случаях семантические филиации слов, т.е. появление либо синонимов, либо близких по значению слов, являются результатом различной эволюции соответствующих звуков, разных переломов гласного *i, например: современно-монгольские *tagnā* «разведывать, шпионить» ←--- *tangna* ←--- *tingna →--- *čingna* →--- *čagnā* «слушать, прислушиваться» и др.

Как известно, использование сингармонизма гласных в целях семасиологической филиации различных слов широко применялось в маньчжурском языке и даже в заимствованных словах типа *arsalan* «лев» //

||erselen «львица». Выше уже сказано, что такое использование сингармонизма в монгольских языках дало повод Б.Я.Владимирцову предполагать для праязыкового состояния этих языков существование различия по грамматическим родам. Однако говорить о категории грамматического рода можно было бы лишь тогда, когда соответствующее явление было бы обнаружено за пределами лексики, а именно в сфере выражения чисто грамматических отношений. Последние исследования в области языка «Сокровенного сказания», обнаруживающие формы мужского и женского родов в системе глагольного спряжения³, придают открытиям Б.Я.Владимирцова весьма серьезное значение. Совершенно очевидно, что в данном случае открывается реальная возможность для типологического сопоставления этих явлений монгольского языка с чередованием гласных в германских языках, уже начатого со стороны германистики /вспомним также загадочность конечного согласного *n* как в алтайских языках, так и в германских/⁴. Следовательно, вышеизложенное уже позволяет говорить о наличии в монгольских языках явлений внутренней флексии и категории грамматического рода как в системе глагольного спряжения, так и в сфере лексики. А ведь отсутствие таких явлений и категорий считалось и считается самой характерной особенностью монгольских — да и всех алтайских — языков! И это существенным образом меняет наши обычные представления о строе монгольской речи, начиная давать исследователям реальные возможности проникнуть в то, что принято называть «праязыковым состоянием» этой речи, которое, быть может, всего лучше определить как протомонгольское.

Наблюдаемые в современных монгольских языках разного рода исключения из общих правил и отступления

от того, что принято называть агглютинацией или признается специфической особенностью этих языков, в своей совокупности должны дать возможность реконструировать отдаленное прошлое монгольской речи. А для этого приемы и методы сравнительно-исторической реконструкции, в своей основе являющиеся фонетическими, явно недостаточны, так как они сами по себе не в состоянии вывести наши исследования за пределы данного типологического состояния монгольских языков, агглютинативного по преимуществу. Поэтому методы сравнительно-типологических сопоставлений различных явлений в монгольских языках, выявляемых описательным путем, с показаниями других языков должны все шире применяться в монголистике наряду со сравнительно-историческими исследованиями. В частности особенно важным является установление лексико-семасиологических закономерностей, по которым в монгольских языках происходит изложенная выше фонетическая дифференциация, сопровождаемая семантической филиацией известной группы слов. Пока же уже отмеченные данные говорят лишь о том, что в целях семантической филиации используются разного рода чередования гласных заднего и переднего рядов, гласных узких и широких или лабиализованных и нелабиализованных, согласных $t \sim z$, $z \sim j$, $\xi // g \sim j$ и других, перестановки слогов, чередования согласного $t // d$ с нулем /в начале слова/ и т.п.

Как уже сказано, особенности исторического развития монгольских языков таковы, что на сравнительно-историческую методику исследования ложатся весьма ограниченные задачи, задачи «реконструкции» по преимуществу промежуточных звеньев в эволюции соответствующих явлений в этих языках. Дело, стало быть, вовсе не в том, что сравнительно-исторический метод

не может быть применен в монголистике или что этот метод уже изжил себя и оказывается якобы пройденным этапом в языкознании, а в том, что его вообще не следует считать единственно возможным методом исторического языкознания.

¹ См., например, рецензию проф. Л. Лигети на нашу «Сравнительную грамматику монгольских языков», Москва, 1953, «Вопросы языкознания», 1955, № 5, стр. 134.

² Б.Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, Ленинград, 1929, стр. 133. Эти открытия Б.Я. Владимирцова подтверждались и существенно дополнялись наблюдениями и исследованиями последующих монголистов, см., например: Т.А. Бертагеев, Флексия основ в агглютинативных языках, - «Сборник трудов по филологии», вып. 1, Улан-Удэ, 1948, стр. 98-120 /в этой статье содержится много примеров на «Флексию основ», собранных преимущественно в западно-бурятских диалектах/; Г.Д. Санжеев, Исключения в монгольских языках, - "Труды Московского института востоковедения", вып. 3, 1946, стр. 94-115.

³ P. Pelliot, Le vrai nom de «Seroctan», - «T'oung Pao», Leide, 1932, vol. XXIX, p. 51; Сигэо Одзава, Гэнтё: хисси мо: каго-но до: си гоби, - «Токё гайкокуго дайгаку ронсю:», Токио, 1955, № 4, стр. 1-9; G. Doerfer, Beiträge zur Syntax der Sprache der «Geheimen Geschichte der Mongolen», - «Central Asiatic Journal», Wiesbaden, 1955, vol. I, N 4, p. 248-266.

⁴ См. А. В. Десницкая, Чередование гласных в германских языках, М.-Л., 1937, стр. 135-137.

Т-03018 Тир. 350 экз. Зак. 37

Отпечатано Ротапринтным цехом
Издательства восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2

